
ВОСПОМИНАНИЯ БЕЛОРУССКИХ ОСТАРБАЙТЕРОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РАБСКОГО ТРУДА В ГЕРМАНИИ

К. И. Козак

Аннотация: В период германской оккупации нацистами была уничтожена треть населения Беларуси. Особую категорию жертв составили около 400 тыс. жителей, депортированных на принудительные работы в страны оккупированной Европы. Выжившие и вернувшиеся на Родину бывшие узники и принудительные рабочие в своих воспоминаниях персонально представляли реальные условия депортации, рабский труд на объектах промышленности, сельского хозяйства, в домашних условиях, а также трагические смерти родных и близких. Особо значимо, что задокументированные воспоминания бывших принудительных рабочих являются ценным источником по истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. Они широко используются в исследовательской, культурной и образовательной сферах с конца XX – начала XXI ст.

Ключевые слова: Белоруссия; оккупация; депортация; остарбайтеры; рабский труд; знак «OST»; воспоминания.

MEMOIRS OF BELARUSIAN OSTARBEITERS AS A SOURCE FOR STUDYING THE HISTORY OF THE USE OF SLAVE LABOR IN GERMANY

Summary: During the German occupation, the Nazis destroyed a third of the population of Belarus. A special category of victims were about 400,000 people deported for forced labor to the countries of occupied Europe. Former prisoners and forced laborers who survived and returned to their homeland in their memoirs personally represented the real conditions of deportation, slave labor in industry, agriculture, domestic conditions, as well as the tragic deaths of relatives and friends. It is especially significant that the documented memories of former forced laborers are a valuable source on the history of the Second World War and the Great Patriotic War. They have been widely used in research, cultural and educational fields since the end of the 20th – beginning of the 21st century.

Keywords: Belarus; occupation; deportation; Ostarbeiters; slave labor; OST sign; memories.

Историографические истоки проблемы. Общее представление о белорусских остарбайтерах и их рабском труде в Германии было дано рос-

сийским историком Павлом Поляном [1, 2]. Одновременно в Беларуси велась работа с документальными архивными ресурсами [3, 4]. Центром сбора, систематизации и публикации воспоминаний бывших узников концлагерей, гетто и мест принудительного содержания стала Историческая мастерская имени Леонида Левина. На протяжении 2003–2022 гг. здесь совместно с общественными объединениями бывших узников нацизма удалось издать семь сборников в серии «Живые свидетельства Беларуси». Это около 300 важных свидетельств белорусских узников о пребывании в местах принудительного содержания на территории Третьего рейха [4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12]. Кроме этого, ряд свидетельских историй о принудительном труде был собран и издан в виде отдельных книг [13, 14, 15, 16, 17, 18] и в региональных документальных сборниках [19, 20, 21, 22]. Научные исследования были представлены в рамках ряда международных научно-практических конференций [23, с. 97–186; 24, с. 213–234]. В итоге первая кандидатская диссертация Е. А. Гребеня об организации Германией принудительного труда среди жителей Беларуси получила высокую научную оценку [25; 26, с. 47–82; 27, с. 237–242; 6, с. 16–55; 8, с. 19–71].

Исторический контекст событий. Итоги Второй мировой войны для Беларуси имели катастрофические последствия, когда 3 млн ее жителей стали жертвами нацистской оккупационной политики. Еще одной значимой характеристикой стал принудительный труд военнопленных, когда 810 тыс. из них умирают от физического труда, голода и болезней. Еще около 400 тыс. были принудительно вывезены для работ в страны Третьего рейха, а более 1,5 млн граждан использованы на принудительных работах в Беларуси [28, с. 96–201; 29].

Процесс депортации населения на принудительные работы характеризуется тремя этапами деятельности оккупационных органов (1941–1942, 1943, 1944), из которых второй и третий осуществлены во время массовых антипартизанских акций, при наличии «мертвых зон» без населения и жилого фонда. По данным государственных органов, около 224 тыс. смогли вернуться назад, а около 150 тыс. из них, как узники концлагерей и гетто, воспитательно-трудовых лагерей и т. н. «других мест заключения», подневольные рабочие в промышленности, рабочие фермерских хозяйств и дети-заключенные смогли участвовать в реализации немецких федеральных компенсационных программ с 1993 по 2007 гг. [3; 4; 30]. При этом их показания и свидетельские данные послужили материалом для определения группы принудительных работ.

Страх как причина выживания. Разрушение в ходе германской оккупации традиционного уклада жизни, проведение нацистскими палачами массовых карательных акций против евреев, населения партизанских зон, организация лагерей для военнопленных и гражданского населения вызвало тотальный страх. Большинство респондентов рассказывают о трагических событиях в семьях, начиная с первых дней и недель войны летом 1941 г. Мария Николаевна Камоцкая (Старостенко) (1925): *«Вот уже в самом начале войны погиб отец, дом сгорел. Мама жила с детьми в землянке»* [8, с. 110]. Вскоре немало свидетелей рассказывают о массово сожженных деревнях. Людмила Матвеевна Ромашкевич (1931): *«В начале 1943 г. фашисты сожгли деревню и расстреляли родителей, мы с сестрой остались живыми. До конца 1943 проживала в г. Минске. В конце 1943 была арестована вместе с хозяевами, которые меня приютили»* [8, с. 161]. По словам Матрены Кирилловны Кошевенко (1933): *«Эти последние годы войны были настолько страшными: расстрел отца, убийства других людей, что мне казалось – пришел конец, что нас всех расстреляют. Мне было так страшно, что я думала, скорее бы это случилось. Я даже сожалела, что меня не расстреляли вместе с отцом, настолько было страшно. Пережить этот страх было невыносимо, иногда легче умереть, чем быть охваченным таким страхом»* [6, с. 29; 23, с. 136]. В большинстве своем население испытывало страх перед оккупационными органами и их политикой вывоза части населения на принудительные работы.

Депортация. На первом этапе депортации только часть жителей смогла преодолеть путь от места своего проживания до железнодорожной станции – пункта отправления на принудительные работы в Германию или другие страны Европы. Отбор наиболее крепких и готовых к физическому труду происходил за счет быстрого пешего передвижения на расстояния 10–20 км. Как правило, жертвами становились пожилые, больные, ослабленные физически, а также женщины с малолетними детьми. По данным представленных свидетельств, из каждой сотни до станции отправления не доходило 8–15 человек. Длительный переезд без должных условий (питание, вода, туалет) на протяжении 3–7 суток вызывал смерть еще 8–10 человек. Этап распределения или отбора для последующей работы на заводах, предприятиях, сельхозработах продолжался от 2 до 7 суток. При этом больные направлялись на мнимое лечение, которое заканчивалось смертельным исходом. Это в полной мере соответствовало нацистской практике «мертвых зон» при борьбе с партизанами или же наступающими частями Красной Армии. При этом жители, которые отказались подчиниться и быстро

покинуть свое жилье, за невыполнение приказа подлежали расстрелу. Так, в соответствии с приказом коменданта Гомеля, жители города должны были эвакуироваться к 17 октября, а оставшиеся до 24 октября 1943 г., в соответствии с решением командования, приговаривались к расстрелу [32, с. 548; 33, л. 14–23]. Фактически большинство населенных пунктов Беларуси становились безлюдными. К примеру, из полесской глубинки, д. Ольшаны Давид-Городокского района, только за 1943–1944 гг. вывезли 265 человек молодежи [34, л. 1–53, 59].

Таким образом, не менее 10 % от общего количества отобранных для работы были вывезены в Германию. Как правило, их фамилии не фиксировались, учет не велся, а имена даже со стороны свидетелей назывались в редких случаях. Валентин Власович Пуховский (1929): *«Везли в Германию целую неделю, но остановки были. И там открывают вагон и спрашивают и смотрят полицейские и немецкий представитель с собаками – живые перед ними или мертвые. Если мертвые, стаскивали. Вот с соседнего вагона вытащили и прямо на обочину, где выступ. Шлаком присыпали и все»* [8, с. 154]. Любовь Ивановна Капустина (Курнец) (1931): *«В конце августа 1943 г. нас снова посадили в товарные вагоны станции и повезли. Дорога оказалась длинной и мучительной. На всех бросали буханку хлеба и пачку маргарина. Всем хотелось есть. Остановки необходимы были, чтобы избавиться от умерших. Они были на нашем пути. Вот и наш братик Коля совсем ослаб и его еще живого выбросили на груды камней. Мама кричала, но все было бесполезным. Дверь закрылась и поезд тронулся. Теперь нас из шестерых осталось четверо»* [35, с. 148]. Регина Александровна Лаврович (Молокович) (1933): *«В Минске формировался состав для отправки в Германию. После Бреста 16 суток ехали по Польше, Германии, Бельгии и Франции. Нас привезли в город Шербур. Когда пришло время переезда в Германию, для перевозки заключенных дали старые, но пассажирские вагоны. Лагерь, который был в 25 километрах от города Штутгарта, разместили в бараках»* [11, с. 83–85].

Их передвижение нередко служило своеобразным щитом от нападения партизан, обеспечивало разминирование лесных дорог. Так, Надежда Т. (16 лет) говорит, что во время отступления немецкие войска использовали ее в качестве щита от партизан. Гнали в составе местного населения перед собой до Литвы, а оттуда – в лагерь под Линцем [8, с. 90]. Николай Иванович Браим (1932): *«Наш поезд наскочил на мину. Четыре вагона, в том числе и наш, влезли друг в друга. Паровоз лежал на боку, а с трубы шел дым. Двери немцы открыли. И выгнали в заболоченное место. Там стояла вода. Лапти*

промокли, и нам стало еще холоднее. Согреваясь на месте, мы стояли там долго, пока не отремонтировали дорогу. Снова в путь, но кормить ничего не давали» [8, с. 90; 12, с. 95–96; 15, с. 98–147].

Место дислокации и статус. Лагеря, расположенные вблизи населенных пунктов и городов, как правило, полностью или же частично обеспечивали работу на предприятиях. Так, Василий Васильевич Егоров (1928) отмечает, что узников лагеря Кельгенселен для работ перевозили поездом в город Ульм. Работали там по 12 часов [10, с. 43]. При этом национальная принадлежность или статус советского гражданина имели порой определяющее значение для существования. Роман Волчков (1927): *«Я, как видите, черный, на еврея похож. Полицай мне кричал «Юде!». А я кричу: «Найн! Их вайс русиш!».* А он меня бил по голове, чтобы я говорил правду» [9, с. 31]. При выявлении лиц еврейской национальности их отправляли в специальные лагеря. Прибывших с территории Беларуси считали русскими, советскими, и они получали в лагерях маркировку «R» (русский), «SU» (советский) или же «P» (поляк) и только с конца 1943 г. в ряде мест – белорусскую маркировку в форме цветка. Работающие на промышленных предприятиях и в хозяйственных учреждениях получали для постоянного ношения на одежде отличительный знак «OST». Небольшая часть – от одного до нескольких человек, работающих у бауэра, – могли не носить такой знак на одежде [36, с. 92].

Работа на промышленных предприятиях. Зинаида Дмитриевна Горячко (Шаврова) (1931): *Зиген. «Баракы находились под наблюдением полицейских. Хорошо запомнила двоих – Отто и Густава. Отто очень много кричал, но бил палками меньше, нежели Густав. Нас было 7 подростков. Когда нас привели на фабрику, мастер сказал: «Одна неделя – и вы будете специалистами». Мы были по специальности автогенщики – варили металлические трубы. Нам не платили денег, кормили черпаком кольраби, условия были очень тяжелые. Дышали гарью. Работали и в выходные. Приводили на отдых в бараки. Обязанности были такие. Нам привозили трубы, перед нами – верстаки, а мы доставали зажигалки, настраивали огонек, чтобы шов был. И варили в течение всего дня. Мама работала на этой же фабрике. Мы были вместе. Она была рядом. У отца была очень тяжелая работа. Отец разрубал железо на куски. У мамы работа полегче была – убирать стружку» [11, с. 47]. Феня Федоровна Колик (1924): «Как партизанку меня арестовали и посадили в минскую тюрьму. Там я пробыла больше месяца, меня пытали, били, почти не кормили. Еда в тюрьме была очень скудной. Затем я была вывезена в Германию для работы на шахте, где нужна была*

молодежь для тяжелых работ. Затем перевезли во Францию, где работала на руднике» [11, с. 74]. Бронислава Михайловна Астровко (1930): «Привезли под Ганновер на фабрику резиновых изделий. Там работали поляки, французы, пожилые немцы. Я работала на станке с пожилым немцем, его звали Угольман. Он ко мне относился по-человечески, не обижал, иногда делился со мной своим завтраком» [10, с. 20]. Тамара Сергеевна Ведерникова (Лесикова) (1937), вблизи г. Вена: «Я хорошо помню многие фрагменты своего детства, проведенного в этом лагере, но вспоминать и тем более писать очень тяжело и унижительно. Один из фрагментов – горел завод. Это было очень страшно. Завод был военным, и там делали боеприпасы. От взрывов при пожаре разрушались бараки, люди бегали по территории лагеря и кричали, я была среди них, я видела открытые рты, но ничего не слышала. Был очень яркий свет от пожара, и больше я ничего не помню. В основном передвижение от бараков было под конвоем, затем передавали заводской администрации. Продолжительность рабочего времени составляла примерно 12 часов. Группы были смешанными по национальному составу, однако преобладали выходцы из СССР» [10, с. 28]. Викентий Стефанович Клименков (1938), г. Виттен-Аннен: «Со мной мама Мария Ивановна и сестра Эльвира (1926). Разместили в концлагере, который являлся филиалом концлагеря Бухенвальд. Определили на завод Круппа «Рурстальверк» в сталелитейный цех, который изготавливал отливки для запасных частей к самолетам. Работали постоянно 12 часов. Поднимали нас в 5 часов утра, а в 6 были уже на заводе. В 18 часов сдавали смену. Через неделю смены менялись на дневную и ночную. Через некоторое время нас переместили в другой лагерь в этом же городе» [10, с. 55]. Инесса Георгиевна Кулаго (Буякова) (1939): «Мама Антонина вместе с другими взрослыми каждое утро с 6 до 18 часов работала на заводе фирмы «Ханомаг» (Ганновер). Она сверлила гайки, вывозила стружку. По окончании их строем снова приводили в барак. Мы же, дети, оставались в бараках» [10, с. 64]. Антонина Антоновна Мистюкевич (1927): «В 1942 г. меня вывезли в Германию, в деревню, которая находилась неподалеку от Дюссельдорфа. С 15 лет я работала на фабрике по изготовлению черепицы. Вместе с остальными работниками проживала в каменных домах. На завтрак мы получали хлеб с маргарином и кофе, на обед – суп с хлебом. Рабочий день длился 8 часов» [11, с. 96]. Анна Лукьяновна Савчук (1926): «В Германию я попала несовершеннолетней. Работала на фабрике в Берлине, район Кеппенинг. Узникам не хватало еды и одежды, много вреда причинила деревянная обувь, ношение которой сейчас сказывается на суставах» [11,

с. 101]. И даже в канун освобождения принудительные рабочие продолжали трудиться. Мария Ивановна Каптур (1926), г. Кельн: *«Нас вел полицейский на работу, и тут сирена, стали бомбить. Полицейский сбежал, а собаки за ним. Остались мы одни, ни с кем и ни с чем. Идите, куда хотите, делайте, что хотите. Каждый выживал, как мог»* [10, с. 52].

Работа в сельском хозяйстве. Клавдия Михайловна Лизунова (Кашина) (1935): *«Так как у матери зрение было плохое, и она не способна была работать, да и маленький ребенок, то ее определили к бауэру. Она должна была каждый день туда ходить. Потом, когда мы стали постарше, то нас периодически посылали на поле горох собирать. Строго-настрога приказывали не есть. Надзиратель объезжал поле на лошадке. Мы, дети, были послушными и никто не нарушал этого приказа»* [10, с. 75]. Анна Васильевна Романовская (Савлевич) (1927), г. Гера: *«У моего бауэра был огромный участок, большущий дом и очень большое хозяйство. Эта зажиточная семья держала две лошади, 30 коров, более 30 свиней и несчетное количество кур, большой огород. В мои обязанности входило доить 2 раза в день 10 коров, уход за огородом, уборка по дому. Мы работали с 5 утра до 12 ночи. На завтрак нам давали хлеб, размоченный водой (есть было невозможно из-за того, что очень кисло!). На обед давали по 3 картофелины в мундирах и какой-нибудь салат или квашеную капусту, а на ужин как придется»* [10, с. 121]. Эдит Владимировна Полякова (1945, Германия): *«Бабушку Лиду 16 декабря 1943 г. для сельскохозяйственных работ в Дренкфурт Мариен-Вальде. Жила в курятнике. Кормили ее плохо. В основном давали сыворотку от молока. Мама была в рабстве г. Картхауз, брат мамы Леванович Витольд Адамович умер в плену и похоронен в Ламиновице (1942). Мама после моего рождения была парализована»* [11, с. 98–99].

Работа в домашних условиях. Мария Ивановна Трус (1925), г. Розенберг: *«Наша семья – четыре человека – трудилась один год на сельскохозяйственных работах. После этого мы работали на угольном заводе. Самой сложной была работа на заводе, так как рабочий день длился по 12–14 часов. Кроме того, был голод, нехватка питья, лекарств. Чтобы получить свою долю хлеба, необходимо было простоять много часов в огромных очередях. Повседневная жизнь в оккупации была самым страшным периодом. После работы на заводе меня взяли домработницей в дом немецкого офицера, в котором жили его жена и четверо детей. Там я выполняла самую черную работу: мыла посуду, работала на огороде, убирала в доме, смотрела за детьми. Работала я с 5 утра до 12 ночи. Затем меня запирали на чердаке, где я спала в хранилище для зерна. И снова*

в 5 утра меня будили, продолжался бесконечный рабочий день. Так было с 21 ноября 1942 г. вплоть до 11 сентября 1944 г.» [11, с. 103–104]. Софья Александровна Шалима (1923): «Сначала немецкие власти отправили меня выполнять обязанности прислуги в немецкую семью (1944). Хозяева относились к нам хорошо, по-человечески. Питалась я с ними за одним столом, была довольна своим положением. Но через несколько месяцев меня забрали в лагерь Гафельверг. Там оказалась и моя младшая сестра. Я работала на авиазаводе фрезеровщицей. Рабочий день там начинался в 6 утра и заканчивался в 6 вечера, кормили баландой 2 раза в сутки. Качество пищи было плохим. В баланде попадались черви. Бараки были разбиты на 5 комнат, в каждой из которых жило по 20 человек. Спали на двухэтажных койках, и, поскольку было очень холодно, приходилось прижиматься друг к другу» [11, с. 107–108].

Женский труд. Вера Дмитриевна Антоневиц (1927): «Отправили нас в г. Берхтегаден. Образовали женский лагерь. Делали из песка, цемента и воды блоки. Перемешивали вручную. Все это было тяжелым, где-то 60–70 килограмм. Форму мы переносили в другое место для того, чтобы она постояла 3–4 дня. Здесь я должна сказать, что на такой работе использовали женщин от 16 до 20 лет. Мы же молоденькие. То знаете какие болезни были? Кроме тяжелого состояния, когда теряешь сознание, тут мне не совсем удобно здесь об этом говорить, – это женские болезни. Открывались кровотечения. А условий никаких не было для лечения. Надсмотрщики стояли и били палками за любую провинность, да и когда, если кто-то пробовал не работать или симулировать. Правда, нас время от времени проверяли врачи. Измеряли давление. А другого, пожалуй-то, и не было ничего» [8, с. 76–77]. Анастасия Яковлевна Захарчук (Вышковская) (1925): «В бараках женщины жили отдельно. Никакого не было насилия или преследования. И в городе его не было. Даже наоборот, если солдаты приставали, то их преследовали за это гестаповцы. Закон такой был, который запрещал» [8, с. 107]. Тем не менее имеются и другие примеры. Мира Алексеевна Разина (1937): «Однажды бабушку так сильно ударили. Она оказала сопротивление, когда немец из охранников пытался изнасиловать маму. Я кричала. Потом ее увезли в больницу, а я бежала за машиной рядом» [8, с. 159]. Феодосия С. из Бреста во время принудительных работ на железной дороге была многократно изнасилована начальником и солдатами. Ей в принудительном порядке был произведен аборт. Рассказала в кругу семьи лишь после смерти своего мужа [12, с. 272].

Детский труд. Инесса Георгиевна Кулаго (Буякова) (1939): «Прямо у нас на глазах расстреляли 5 человек: 4 парней и одну девушку. Их уложили на землю и объявили, что так будет с каждым, кто попытается бежать» [10, с. 64]. Галина Анатольевна Ладик (1936), г. Дрезден: «Это был кошмар, который я не могу забыть до сих пор. Горели дома, немецкие женщины и дети, обвязанные подушками, выбрасывались из окон домов. В сквере горели большие деревья. Мы бежали (около 20 человек) непонятно куда. Потом увидели яркий свет в небольшом здании и распахнутые двери, заскочили туда и увидели бильярдный стол, шары и пиво в больших кружках. Через какое-то время мы побежали дальше и добежали до трамвайного кольца, трамваи горели, трещали стекла. Потом мы выбежали на шоссе – справа был какой-то небольшой завод, а слева лагерь за колючей проволокой. В этот момент опять началась бомбежка, за проволокой горели бараки, бежали и кричали люди» [10, с. 67]. Клавдия Михайловна Лизунова (Кашина) (1935), г. Магдебург: «На протяжении недели простужается одна, затем вторая сестра. С воспалением легких они за неделю угасли. Их пришлось похоронить» [10, с. 74].

Смертельный исход. Данные о гибели 66–91 тыс. принудительных рабочих, использование труда которых целиком отнесено к антигуманной деятельности немцев, корректируются персональными свидетельствами. Их немного, они разделены на категории, точной информации явно не хватает. Большая часть смертей произошла вследствие бомбардировок 1944–1945 гг., меньшая – как результат физической непосильной работы, заболеваний, нарушений техники безопасности и редко связана с участием в антигерманской деятельности. Валентин Власович Пуховский (1929): «Я видел, как в лагере умирали дети 4–5 лет. Они, как захватили семьями с детьми, вот они пожили, детишки эти, наверное, неделю, не больше, ведь какое им питание было. И умерли... То что с голоду умирали, это да. В этот день видел, как вывозили умерших. Лошадь подъезжает к баракам. Их закрывали брезентом. Их, наверное, было 2–3 человека в бараке» [8, с. 155, 158]. Как от непосильной работы умирали члены семьи, рассказывает Нина Степановна Лакоза (1926): «Работала я на прессах, где из дерева делали опилковую массу, а мы эту массу на вагонетках отправляли в другие цеха. Работа тяжелая, мокрая, ноги все время были в сырости. Поэтому мы часто болели, нас косил туберкулез. Моя сестра и две мои подружки заболели и умерли, остались лежать там. Пусть будет им вечная память» [9, с. 139]. Алимпиада Букина (1932): «Есть было нечего, многие умирали от голода, от болезней. Кормили все брюквой. Когда заболела дифтерией сестра Галина, то

приезжал на санитарной машине врач. На нем был одет белый халат. Вот тогда и увезли сестру, но она вскоре умерла» [8, с. 65]. Анастасия Максимовна Бибчикова (Денисенко) (1938 г., депортировано 5 членов семьи): «Мать, Анна, от тяжелого труда умерла. Захоронена она в Гранцине» [10, с. 34]. Раиса Афанасьевна Глядко́вская (1936), г. Магдебург: «Поместили в лагерь. Здесь были бараки, обнесенные колючей проволокой. Людям дали полосатую одежду с клетчатым воротником и нашитым номером. Все люди болели тифом. Очень много было вшей. Люди умирали. Трупы выносили и сбрасывали в кучу. Потом сжигали в топке. Маленькую Раису тоже вынесли как мертвую. Но топка вовремя не приехала, а мать Раисы Афанасьевны спросила, кто видел ее дочь. Когда сказали, что девочку вынесли и бросили в кучу трупов, мать настояла идти искать среди трупов Раису, так как чувствовала, что ее девочка жива. Ее нашли, отогрели. Переместили к бауэру, где работали только взрослые. Братик и дочка тети Марии умерли в лагере» [10, с. 38–39]. Бронислава Сергеевна Зенькович (Рабцева) (1934): «Заболел брат. Лежал обессиленный, и умер у меня на руках. Я нашла маму в поле, но надзиратель ее не пускал. Он ударил ее палкой по голове, потом повезли ящик наподобие гроба и хотели уложить туда Володю, но мама его держала на руках и кричала. Собрались рабочие. Стали возмущаться. Пришел управляющий и приказал привезти гроб. Мама положила Володю в гроб и его повезли, мама тоже пошла за гробом. Где Володю похоронили, я не знаю. Маму туда с нами не пускали» [10, с. 45]. Самые многочисленные потери наблюдались во время бомбардировок. Александра Ивановна Бандыко (Буракова) (1927), г. Дуйсбург: «Вот упала бомба, где находился детский дом, и все 22 ребенка погибли. Помнится, что среди них были и две русские Верочки, которые обслуживали малышей» [6, с. 59; 8, с. 115, 142, 149–158].

Сейчас около 20 свидетелей из Минска горячо обсуждают свое последнее желание – хотя бы раз в жизни посетить места захоронений своих родных, которых они потеряли во время принудительных работ.

Положительные эмоции. При всей сложности ситуации, смерти близких нередко позитивные события сообщали положительные оценки всему периоду. Анастасия Яковлевна Захарчук (1925): «Как-то все стабилизировалось, и я даже писала письма домой. Получала ответ. На рождество прислали мои посылку. А в этой посылке была бутылка самогонки. Я ее подарила бауэру. Как он был рад. И все хвалил. Так она ему понравилась». Она же одна из немногих сохранила фотоальбом с городскими видами и бодрым настроением. «...Фотографии в беспорядке. Стыдно. Я, между прочим, на дачу езжу, там хорошая женщина есть. Ей:

«Миленькая, куда мне девать? Ну куда мне их девать? Детям не нужно. Нужно сжечь». Так она: «Не сжигайте, они нужны еще для истории» (Рассматриваем фотографии). Это в Германии. Вот, видите, как меня наряжали» [8, с. 108]. Так, в сборнике «Украденное детство: живые свидетельства остарбайтеров Беларуси» в рубрике «Они помогли жертвам нацизма» сами свидетели впервые представили для публикации сохраненные ими фотографии тех, кто был к ним по-человечески внимателен [6, с. 91–103; 129, 145–146, 241].

Типичный портрет. Дина Константиновна Семашко (1929), переживая все этапы принудительного труда в Германии, оценивает свое прошлое, потеряв родителей, умершего после ранений брата-партизана: «Я снова осталась одна. <...> Счастье быть дома, которого у меня нет». Нанесенная травма осталась в одиночестве. В память она сохранила свой знак «Ост», фотографию коллектива принудительных рабочих пороховой фабрики Гамбурга. Ее воспоминания характеризуются особым состоянием униженного рабским трудом человека, оторванного от родины, семьи и надеющегося на возвращение, встречу, продолжение семейной жизни [6, с. 171].

Вывод: В настоящее время в Беларуси в важном диалоге поколений участвуют лишь немногие из проживающих 8 тыс. бывших принудительных рабочих, узников нацистских лагерей на территории других европейских стран. Благодаря имеющимся воспоминаниям белорусские исследователи продолжают формирование летописи свидетельств трагических последствий германской оккупации периода Великой Отечественной войны [37].

ЛИТЕРАТУРА

1. Полян, П. М. Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация / П. М. Полян; Ин-т географии Рос. акад. наук (Москва), Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана (Грац-Вена). – Москва : Ваш выбор, ЦИРЗ, 1996. – 442 с.
2. Полян, П. М. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижение и смерть совет. военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине / П. М. Полян ; Ин-т географии Рос. акад. наук. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : РОССПЭН, 2002. – 894 с.
3. Белорусские остарбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941–1944): Документы и материалы в 2 кн. – Кн. 1. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941–1942) / сост. Г. Д. Кнатько [и др.]. – Минск: НАРБ, 1996. – 304 с.

4. Белорусские оstarбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941–1944): Документы и материалы в 2 кн. – Кн. 2. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1943–1944) / сост. Г. Д. Кнатько [и др.]. – Минск: НАРБ, 1997. – 472 с.
5. Война и память 1941–1945 гг.: живые свидетельства Беларуси / сост. А. И. Науменко, К. И. Козак. – Минск: Лимариус, 2015. – 204 с.
6. Война и украденные годы: живые свидетельства оstarбайтеров Беларуси / сост. Е. И. Люлькина; под ред. К. И. Козака. – Минск, 2009. – 264 с.
7. Война и украденные годы: живые свидетельства оstarбайтеров Беларуси, вып. 2, доп. и перераб. / сост. Е. И. Люлькина; под ред. К. И. Козака. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск, 2010. – 214 с.
8. Детство войны 1941–1945 гг.: живые свидетельства Беларуси / сост. Л. А. Александренко, К. И. Козак, Т. А. Кузьмичева. – Минск, 2012. – 216 с.
9. Малолетние заложники войны 1941–1945 гг.: живые свидетельства Беларуси / сост. Л. И. Щеникова, Г. И. Змушко, К. И. Козак. – Минск, 2012. – 264 с.
10. Тени Тростенца 1941–1945 гг.: живые свидетельства Беларуси / Минский международный образовательный центр им. Йоханнеса Рау, Ист. маст. им. Л. Левина, ОО «Белорусская ассоциация бывших несовершеннолетних узников фашизма Заводского района г. Минска». – Минск, 2015. – 45 с.
11. Трагедия и мужество партизанского края 1941–1945 гг.: живые свидетельства Беларуси / сост.: К. И. Козак, И. А. Рипп, И. А. Щая-Зуброва. – Минск : Р. М. Цимберов, 2022.– 172 с.
12. Оstarбайтеры. Принудительный труд белорусского населения в Австрии. Документы и материалы – Ostarbeiter weißrussische Zwangsarbeiter in Österreich; Dokumente und Materialien = Ostarbajtery. – Минск: Graz-Минск, 2003.– 332 с.
13. *Грыбаў, М.* Запіскі оstarбайтэра / М. Грыбаў. – Брэст: Акадэмія, 2005. – 227 с.
14. *Горячко, З. Д.* Я перед вами с памятью своей... / З. Д. Горячко; под ред. К. И. Козака. – Минск, 2014.– 61 с.
15. *Давыдова, Г. Р.* От Минска до Ла-Манша, или Дорогами Холокоста: док. повесть / Г. Р. Давыдова. – Минск: Четыре четверти, 2000.– 231 с.
16. *Нехай, О.* Ради жизни на земле / О. Нехай. – Минск: [б. и.], 2004.
17. *Nechai, O.* Gedanken in Erinnerung an mein Leben / O. Nechai. – Oranienburg, 2006. – 239 S.

18. Очищение: сборник статей / сост. Н. Полякова. – Минск: [б. и.], 2008. – 144 с.
19. Асколкі болю (успаміны былых вязняў фашызму Брэстчыны). – Брэст: выдавецтва С. Лаўрова, 1999. – 64 с.
20. Доля: Связь времен и поколений / ОО «Бывших узников фашизма Парт. р-на г. Минска», «Доля» / авт.-сост.: А. П. Лаврович, Р. А. Лаврович. – Минск, 2015. – 308 с.
21. На абпаленых крылах: кніга ўспамінаў непаўналетніх вязняў фашызму / укл.: Л. Г. Філатаў, Л. П. Раманенка, І. В. Бараноўскі. – Мінск: Кнігазбор, 2012. – 240 с.
22. Плач об украденном детстве: [воспоминания бывших узников] / Рогачевская гор. (районная) орг. ОО «Бел. асс. бывших несов. узн. фаш.». – Мінск : Кнігазбор, 2013.– 250 с.
23. Жанчыны ў Другой сусветнай вайне: гісторыя барацьбы і выжывання: [мат.міжн.нав.-практ.канф., 4 сак. 2005 г., Мінск / рэд. савет: В. Ф. Балакіраў [і інш.]. – Мінск : [б. в.], 2006.– 243 с.
24. Першая і Другая сусветная вайна: акупацыя і яе наступствы на Беларусі / адк. рэд-ры В. Ф. Балакіраў, К. І. Козак. – Мінск : Гістарычная майстэрня, 2006.– 255 с.
25. *Гребень, Е. А.* Привлечение нацистской Германией граждан Беларуси на принудительные работы (1941–1944 гг.) / Е. А. Гребень: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук: 07.00.02. – Минск, 2005. – 19 с.
26. Разняволеная памяць. Прымусовая праца беларускіх грамадзян на акупаванай тэрыторыі Беларусі (1941–1944 гг.) : зб. нав. артыкулаў / Мін. адукацыі РБ, МДЛУ, Інст.гіст. НАН Бел. – Мінск, 2010. – С. 47–82.
27. *Новікаў, С. Я.* “Беларускія оstarбайтэры” ў Германіі: спроба навуковага аналізу / С. Я. Новікаў // Бел. археграфічны штогоднік. Вып. 3. – Мінск, 2002. – С. 237–242.
28. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / А. А. Коваленя (рук.) [и др.]. – Минск: БЕЛТА, 2005. – 504 с.
29. *Gerlach, Ch.* Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941 bis 1944 / Ch. Gerlach. – Hamburg, 1999. – 1234 p.
30. Белорусские оstarбайтеры: ист.-аналит. иссл. / Г. Д. Кнатько [и др.] / Под ред. Г. Д. Кнатько. – Минск: НАРБ, 2001. – 336 с.
31. Белорусские оstarбайтеры: угон населения Беларуси на принуд. раб. в Германию, 1941–1944: док. и мат.: в 2 кн. – Кн. 2: 1943–1944. – Минск: НАРБ, 1997. – 471 с.

32. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Гомеля ў 2 кн. – Кн. 1. – Мінск: БЕЛТА, 1998.– 608 с.
33. НАРБ. Бел. штаб партизанского движения Ф. 1450. Оп. 2. ЕХ. 1384. Л. 14–23.
34. ЗГА в Пинске. Фонд отдела переселения и репатриации исп. ком. Пинского обл. Сов. деп. труд. Ф. 710. Оп. 1. ЕХ. 19. Л. 1–59.
35. *Борисова, А. В.* Лагерь смерти Освенцим: живые свидетельства Беларуси / А. В. Борисова, К. И. Козак, Г. Л. Стучинская. – Минск, 2009. – 379 с.
36. *Гребень, Е. А.* Принудительный труд в Германии по воспоминаниям белорусских остарбайтеров / Е. А. Гребень // *Vesture: avotiuncilveki : proceedings of the 23th International Scientific Readings of the Faculty of Humanities. History XVII.* – Daugavpils : Daugavpils Universitates Akademiskais apgads «Saule», 2014. – С. 91–97.
37. *Козак, К. И.* Летопись памяти: места памяти в Беларуси и Европе // Народны летапіс Вялікай Айчыннай вайны: успомнім усіх! Кн. 1 / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі / склад.: А. М. Літвін [і інш.]; рэдкал.: А. А. Каваленя (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларуская навука.